

Когда я наконец-таки проморгалась и осмотрелась, я поняла две вещи. Во-первых, я сейчас в саду у оджи-сана, стою недалеко от двери в дом, а во-вторых, держу я не того, кто меня сюда исподтишка переместил, а ни-сана, ну и рядом больше никого нет. Кстати, вид у Аоя при этом не самый радостный, впрочем, если учитывать то, что вцепилась я в него со всей дури, то ничего удивительного: синяки у него на руке и боку точно останутся. Зато теперь мне понятно, почему Курама так спокоен и даже не пытался мне помочь, наоборот, звуки из подсознания напоминали старательно сдерживаемый хохот.

— Извини, ни-сан, — отпускаю свою законную добычу и делаю шаг в сторону. — Что-то у меня во время перемещения голова закружилась.

— Я заметил, — ехидный взгляд, и он начинает тереть пострадавшие места. — Вот же ж, вроде недавно полутруп изображала, а хватка похлеще, чем у нинкена Инузука.

— Прости, — повинилась я, — я бы тебя подлечила, но чакрой в ближайшую неделю...

— Девять дней! — тут же донеслось от Курамы.

— ...пользоваться не смогу, — заканчиваю свою мысль, игнорируя вопль Рыжего.

— Неделю? — как-то странно дергается на мои слова ни-сан. — Не сможешь использовать чакру?

— Э, ну да! — соглашаюсь с нервничающим Аоем. — Курама, чего это он?

— Память — страшная вещь, — все еще недовольно из-за того, что его слова проигнорировали ранее, отозвался Лис. Понимаю, что ничего не понимаю, причем тут неделя невозможности использовать мне чакры и память? Но, думаю, он знает, о чем говорит.

— Ну, если ты так говоришь, — недоуменно соглашаюсь, а после растерянно оглядываюсь по сторонам, наконец-таки понимая, что мне не нравится. — Кстати, а где остальные? — замечаю заинтересованный взгляд уже вышедшего из депрессивного состояния ни-сана и поясняю: — Ну, хотя бы оджи-сан: все же он меня сюда переместил, да и ба-чан с Шизуне-сан вряд ли остались в моей палате.

— Они сразу же ушли в дом, оставив меня тебе на растерзание, — буркнул Аой. — Знал бы, чем все обернется, — пришел бы к Акайо-оджи на час позже.

— Ну-ну, не ворчи, племянник, — послышался насмешливый голос оджи-сана, и дверь в дом распахнулась. — Лучше помоги своей сестре добраться до беседки, будем ее кормить.

— Как скажешь, — тяжело вздыхает ни-сан и невозмутимо подхватывает меня на руки, с титаническим спокойствием выслушивая мое возмущение подобным и на землю не отпуская.

Правда, вырваться или давить на болевые точки, чтобы он меня отпустил, я не торопилась: все же падать даже с такой высоты больно, особенно когда чакрой усилить тело не можешь, поэтому я выражала свой протест только словами. Ну и, кроме того, я не забывала осматривать шикарный плодовый сад оджи-сана: все же в прошлый раз я его осмотреть не успела, а чужая память — это не то. К тому же с новыми знаниями о способах сокрытия разнообразных как барьерных, так и печатей-ловушек я заметила много нового, и вид этакой заброшенности и некоторой дикости сада начинал смотреться совсем по-другому. Вот, к примеру, дорожка, выложенная из больших округлых и плоских камней, по которой мы идем к скрытой в глубине сада беседке. Уверена: на обратной стороне каждого из них нанесены печати опознаватели, и буквально каждый камешек несет в себе сюрприз, причем необязательно мгновенного

действия, даже я могу навскидку пару десятков способов только с известными мне печатями придумать, а что говорить об истинных мастерах Узумаки?

Тем более камни — это самый очевидный вариант, а вот кто заподозрит, что вон те небольшие кустики с ежевикой скрывают под собой какие-то печати? Причем я смогла узнать только одну из двенадцати мною замеченных, а сколько их на самом деле? И главное: каждая нанесена так, что кажется, что это не печать, а просто рисунок на огрубевшем стволике! Про деревья я вообще молчу: они настолько сильно изрисованы, что, кажется, изначально росли с боевой раскраской, да и чакрофон тут странный, чем-то схож с Лесом Смерти, но более слабый, я бы даже сказала незаметный, но, тем не менее, он есть. В общем, я, даже не входя в режим отшельника, ощущала разлитую в окружающем мире сен-чакру, что было странно. Интересно, похоже, в Квартале Узумаки успел отметиться Хаширама, только вот мои более приземленные родственники, которые привыкли к стесненным условиям на скалистых берегах Узушио, как и отсутствию приличной почвы, потребовали вырастить полезные растения, а не просто интересные экземпляры.

— Наруто, прекрати орать, — невозмутимо бросил ни-сан. — Ну или хотя бы для приличия не верти головой по сторонам, а то эффект смазывается.

— Да что ты понимаешь! — возмутилась я и показала рукой на оранжевый от поспевших плодов куст облепихи, что мы на этот момент проходили. — Вон там в середине куста спрятана печать, из которой может выстрелить как металлическая цепь, так и рой кунаев, покрытых ядом. А там подобных печатей около десятка! А вот на яблоне...

— Замечательно, но как это все связано с тем, что ты кричишь мне прямо в ухо, чтобы я тебя на ноги поставил? — с иронией перебивает меня Аой.

— Хочу рассмотреть все поближе, — оскорбленно отвечаю на его вопрос, но под недоверчивым взглядом замолкаю. Он все же прав: какой бы я безбашенной ни была, но не зная элементарных правил безопасности я не могла, да и, не имея возможность сбежать в случае чего, соваться к чужой охранной системе — самоубийство.

— Молодец, не ожидал, что ты столько заметишь, — прозвучал одобрительный голос оджи-сама, и, посмотрев в ту сторону, я увидела, что тропинка вывела нас к увитой виноградом с крупными спелыми гроздьями беседке, перед входом которой он и стоял. — Ну и хорошо, что чувство самосохранения у тебя отбито не полностью и ты понимаешь, что в таком состоянии лезть, куда не надо, не стоит.

— Лучше бы она вообще, куда не надо, не лезла, независимо от состояния, — прозвучал недовольный голос то-сана откуда-то из зеленой занавеси. — А то я уже и не знаю, что Мизукаге с Казекаге отвечать.

— Пошли их к Джуби! — мгновенно прозвучал в ответ голос ка-чан. — Пусть вообще радуются, что мы им ультиматум за действие их родичей не выставили! Совсем обнаглели, особенно эта Теруми! Мало того, что на тебя слюни пускает, так еще что-то от моей дочери требовать собирается? Ну я с ней еще поговорю...

— Эм? Сайкен? Шукаку? — удивленно обратилась я к биджу.

— Кушина, не надо! — возмущение из голоса то-сана исчезло вмиг, да и из беседки как-то слишком быстро выскользнула ба-чан с эро-сеннином, а оджи-сан просто отошел подальше, не забывая при этом настороженно смотреть на выход. — Только международного скандала нам не хватало.

— Сам впервые слышу, — мгновенно среагировал Слизень. — Впрочем, Утаката еще не пришел в себя, поэтому я ничего и не знаю.

— Гаара отказался отвечать своему отцу, какого биджу он забыл рядом с тобой, — весело зафыркал Тануки. — Ну, а когда Раса попытался перейти к угрозам, мимолетно заметил, что слышал, что красные волосы присущи Узумаки и он бы хотел погостить у родственников

подольше, ибо волнуется за свою блондинистую подругу. На беду нашего Йондайме, в тот момент в кабинете была Кушина, которая невинно заметила, что Клан Узумаки согласен проверить уровень родства между Гаарой и проживающими в Листе Узумаки. Не знаю, что скрывает Раса, но он от такого отказался, зато отсрочил отбытие на неделю.

— Видела бы ты лицо Минато в тот момент! — расхохотался Курама и самодовольно добавил: — Картина была еще та, а после я не удержался и предложил Кушине сходить и посмотреть, как проходят переговоры с Мизукаге.

— Так, значит, скандал — это все что тебя волнует?! — от беседки ощутимо потянуло КИ. — А то, что наша дочь оказалась в больнице, нет? Между прочим, именно по вине любимчика твоей Мизукаге! Как они вообще могли додуматься ставить настолько слабую печать?

— Ничего себе! — искренне восхищаюсь начавшему проявляться в моем друге навыку дипломатии, а после одобрительно заключаю: — Шикарный Казекаге будет, — про то, что сказал Курама, предпочитаю вообще не думать: слишком уж картинка колоритной получается, но зато понятно возмущение ка-чан. Впрочем, хорошо, что я на тот момент была без сознания, а то могла бы и попасть под горячую руку, особенно если бы она докопалась до того, что перед третьим этапом я к то-сану заходила.

— Кушина, успокойся, — попытался достучаться до ка-чан то-сан. — Я сам не собираюсь уступать им, но ты же сама знаешь, что наши специалисты нашли следы чакры Наруто на их джинчурики.

— А то! — в голосе Шукаку звучит дикая гордость. — Уж я-то из него настоящего правителя сделаю!

— И что?! — кажется, слова то-сана взбесили ка-чан еще сильнее, а не успокоили. — Нашли следы защитной печати, если бы не это, кто знает, выжил ли бы этот паренек вообще! Вы еще благодарны должны быть ей за заботу!

— Я благодарен, но все же... — голос то-сана становится тише, похоже, пора его спасать, но вот желания лезть под горячую руку ка-чан у меня нет, да и ни-сан что-то не торопится меня отпускать на землю.

— Что «все же», Минато?! — звук удара кулака об стол и громкий треск дерева, а после красноречивый звон разбивающейся посуды и тишина. Кажется, мое питание накрывается медным тазом, может, ну его? Все равно смысла рваться теперь в беседку нет, а значит, пусть творят, что хотят, но сперва...

— Я так понимаю, кормить меня сегодня не будут? — невозмутимо интересуюсь я в наступившей тишине.

— Ой! — красноречиво раздалось из беседки после моего вопроса. — Минато, это ты во всем виноват!

— Не волнуйся, пострадала только посуда, — успокоил меня оджи-сан, ехидно сверкнув глазами. — Еду мы распечатать еще не успели.

— А... — только открываю рот, чтобы уточнить, а куда мне собственно отправляться, чтобы получить свитки с пищей, желательно даже не свитки, а просто распечатанную еду.

— Сейчас в беседке приберутся, ничего страшного, — хмыкнул Акайо-оджи-сан и, повернувшись к беседке, невозмутимо добавил: — Я ведь прав, Кушина, Минато?

— Конечно, Акайо, извини за неудобства, — тяжелый вздох то-сана донесся до наших ушей.

— Ну, а я пока схожу за посудой! — тут же сориентировалась ка-чан и выскользнула из беседки, успев чмокнуть меня в щеку, потрепать ни-сана по волосам и мило улыбнуться оджи-сану меньше, чем за две секунды, а после исчезнуть из виду.

— Эх, Минато, Минато, — покачал головой эро-сеннин и отправился в беседку первым. — Давай помогу.

— Спасибо, сенсей! — поблагодарил его то-сан.

— Ой, да ладно! Кто тебе поможет, если не я? — явно слышу улыбку в голосе Джираи. — Ты же от меня унаследовал любовь к темпераментным женщинам.

— Пожалуй, я тоже помогу, — раздается смешок со стороны ба-чан, и она тоже скрывается в недрах беседки, следом, пожав плечами, туда же отправляется и оджи-сан. Ну, а спустя десяток минут я уже была устроена на скамейке, а передо мной на непонятно откуда притащенном, абсолютно новом столе стояли...

— Это что? — потерянно оглядываю рай для вегетарианца, что открылся мне. Ну, по крайней мере, на заваленном едой столе не проглядывалось ни кусочка мяса, про рамен или сладости я вообще молчу. Да, я была согласна даже на широко, но передо мной поставили любимый рацион Ино, когда она в очередной раз садилась на диету.

— Ты была несколько дней на внутривенном питании, поэтому мы не знаем, как твой желудок себя поведет, вот и... — Акайо-оджи мягко улыбается и обводит рукой зеленый рай.

— Желудок? — мрачно смотрю на довольного, как Тора, сбежавший от госпожи Шимидзу, оджи-сана.

— Да, — согласно кивает он в ответ.

— У Узумаки? — уточняю я, видя, что самодовольная улыбка на лице Акайо-оджи становится все шире и шире.

— Да, — опять согласие в ответ, а у меня просыпается желание его покалечить, но, к сожалению, во-первых, нельзя: родственник все же, а во-вторых, вряд ли получится.

— У джинчурики? — надеюсь, мой вопрос прозвучал не откровенно жалобно.

— Ну, ты же чакрой пользоваться пока не можешь? — еще несколько минут назад я считала, что шире улыбаться нельзя, зря так считала. — Значит, обычный человек и желудок реагирует соответственно!

— Ха?.. — на задворках сознания послышались звуки, напоминающие предсмертные хрипы как минимум стада быков, видимо, на биджу мне рассчитывать не стоит.

— Ни-сан, прекрати! — наконец-таки в наш разговор вмешивается ка-чан и, достав свиток, распечатала большую тарелку с горячими Якитори**.

Спасительница! Вот теперь я точно была всем довольна, хотя и пришлось поделиться мясом с

остальными, причем не только из-за проснувшейся совести, но и из-за ба-чан, которая заявила, что мне надо много витаминов, чтобы побыстрее восстановиться! Вот и пришлось есть тушеные овощи, заедая мясом. Впрочем, зря я качу бочку на овощи, их явно приготовила ка-чан, а она готовить умеет! Правда, ее стремление положить мне побольше зелени я искренне не понимала, но, к моей радости, вскоре Аой-ни надо мной сжалился и отвлек внимание ка-чан, а я уже под ехидными взглядами остальных быстро-быстро прикончила свою порцию и приступила к чаю.

— Вижу, ты поела, — невозмутимо заключил оджи-сан. — Рассказывай.

— Про барьер? — уточняю я и, заметив, как Акайо-оджи кивает, одновременно с то-саном пожимаю плечами и серьезно сообщаю: — Не знаю.

— Наруто... — угрожающе хрустнула костяшками ба-чан, и даже ка-чан недовольно качнула головой и собралась что-то сказать явно не в мою защиту.

— Подождите ругаться, — вскидываю в защитном жесте руки, отставив чашку с горячим чаем.
— Я сейчас вам поясню, что имела этим ввиду.

— И что же? — хмурый взгляд то-сана не предвещал мне ничего особо хорошего, если я вру, но дело-то в том, что я говорю абсолютную правду!

— На своей палате я барьер не почувствовала вообще, — вновь беру чашку в руки и начинаю бездумно ее крутить. — Заметила его только в чужих палатах.

— И что ты делала в чужих палатах? — насмешливо уточняет у меня то-сан, показывая, что моя оговорка не осталась для него незамеченной. Морщусь от осознания собственной

глупости, но пути назад нет, придется отвечать если не правду, то полуправду точно.

— Утаката бы не очнулся без моего вмешательства, — поднимаю на него дико усталые глаза, кто бы знал, как мне это все надоело. Решать чужие проблемы и прятаться за ничего не значащими фразами. Улыбаться, когда хочется выть, и осторожничать, узнавая вести о тех, кто дорог обходными путями. Скорей бы объединиться с Саске и уйти в путешествие, там мы будем отвечать только за себя и писать отчеты раз в месяц. Жаль, что это пока неосуществимо.

— Почему? — удивилась моему ответу ба-чан излишне громко, на мой взгляд, Впрочем, я ей благодарна: она вывела из оцепенения то-сана, а я нашла в себе силы спрятать свою усталость так глубоко, чтобы ее больше никто не увидел. — Он был полностью здоров!

— Физически, — пожимаю плечами и, заметив, что Аой-ни откуда-то достал парочку палочек данго, быстро стаскиваю одну у него из тарелки. — По сути, его от последнего шага удерживал только Рокуби. Биджу вообще не любят, когда уходят их носители, за редким исключением, конечно, — хмыкаю, вспомнив свой первый опыт общения с Курамой. Впрочем, даже тогда он не стремился меня убить, испугать и проверить на прочность, узнать предел моей силы воли — да, но не убить.

— Да ладно? — насмешливо вскидывает бровь эро-сеннин.

— У каждого из них есть гордость, — не поддаюсь на его провокацию и вспоминаю свой опыт общения с Сон Гоку и то, как он тогда меня отчитал за отсутствие элементарного уважения к своему же биджу. Ну, а тот факт, что Курама — та еще задница, его нисколько не беспокоил, хотя там я сама виновата была. — Особенно в этом плане выделяются Кьюби и Ичиби, оба не будут помогать, даже не подчиняться, а просто не мешать жить тому, кого посчитают недостаточно сильными.

— Довольно интересные сведения, но не поясняют, как ты прошла сквозь барьеры, — смерил меня излишне внимательным взглядом оджи-сан. — Как и то, что ты делала в чужих палатах, учитывая твое собственное состояние.

— Хорошо, начну по порядку, — согласно киваю на вопрос Акайо-оджи, который, видимо, взял на себя роль переговорщика. Впрочем, чему я удивляюсь? Какую бы наша семья фамилию ни носила, мы часть Клана Узумаки и, соответственно, должны подчиняться его Главе, а шапка Хокаге у то-сана ничего не меняет, он вошел в Клан как рядовой член, отсюда и такой казус. Де-юре он начальник, а де-факто — подчиненный. — Начну, пожалуй, с барьеров. Я правда не знаю, почему так получилось, но у меня есть предположения.

— Какие? — а вот сейчас не выдержал Аой-ни, который наверняка в столь высоком собрании принимает участие впервые, вот и нервничает. Хотя кто его знает? Передо мной-то они особо не откровенничали, да и из жизни деревни я на пару суток выпала, поэтому сложно сказать, почему ни-сан так себя ведет. Может быть, у него до этого разговор с кем-нибудь состоялся и только сейчас он позволил себе расслабиться. В общем, вариантов может быть много, возможно, что ни один из предложенных мной не верен.

— Чакра биджу во мне нейтральна, и, основываясь на словах оджи-сана, что барьер не пропускает агрессивную чакру, можно сделать вывод, что он меня не заметил, — спокойно отзываюсь я.

— Нейтральна? — недоверчиво хмыкает ка-чан.

— Ну, не совсем, — обиженно смотрю на ту, кто все это время меня поддерживала, а теперь помогает загнать в угол, но получаю в ответ лишь извиняющуюся улыбку.

— Расскажи правду, — неожиданно советует Курама. — Только без встречи с нашим отцом, просто раскрой настоящую силу моей чакры в самом простом ее применении.

— Как скажешь, — отбрасываю все свои колебания прочь: раз Рыжий согласен, стоит сказать. Обвожу всех присутствующих взглядом и с тяжелым вздохом отвечаю: — Биджу — часть

Джуби, а Джуби — это воплощение природной энергии, каждый биджу получил свою особенность силы, а чистая энергия Кьюби — это жизнь и огонь как самое сильное его проявление. Именно поэтому его сдержать могли только Узумаки и даже Сендзу, наиболее близкие по показателям жизненной энергии к нашему Клану, приняв его, умирали. Они просто не выдерживали такой консистенции чистой, без всяких примесей энергии жизни, которая еще и была пропитана эманациями чужой ненависти. Самый яркий пример — Лес Смерти: он был выращен Хаширамой, чтобы избавиться от излишек подавленной в Мито-сама чакры Кьюби, и теперь каждый может увидеть последствия этого.

— Неожиданно, — после непродолжительного молчания первым приходит в себя то-сан. — Однако это ничего не объясняет.

— Согласна, но это единственное, что я могу предположить, — пожимаю плечами и выпиваю оставшийся чай из кружки, а после с легким стуком ставлю его на стол. — Барьер не отреагировал на неагрессивно настроенного носителя и даже не включился в моей палате, а у парней он среагировал на них самих, поэтому не задержал меня.

— Надо бы проверить, — протянул задумчиво почесывающий подбородок оджи-сан.

— Только без забора крови и других членовредительных порывов, — мгновенно отзываюсь я, в памяти еще свежи воспоминания того шприца, да и больницы с капельницами я никогда не любила: уж очень много времени в детстве там провела, и воспоминания остались не самые радужные. Вряд ли, конечно, тут будет так же, но желания проверять нет.

— И не раньше, чем она восстановится, — тут же дополнила мою фразу ка-чан, за что я была искренне ей благодарна: все же я как-то не подумала о подобном, да и, имея возможность использовать чакру, шансов сбежать больше. Нет, я не боюсь оджи-сана, но, как бы сказать... перестраховываюсь, вот! Все Узумаки — личности увлекающиеся, и проверять, насколько эта черта сильна в Акайо-оджи, мне как-то не хочется.

— Ладно, — согласился с нашими требованиями Акайо-оджи-сан.

— Ну, а теперь поведай нам, что ты забыла в палатах других джинчурики, особенно в палате родственника Мизукаге, — убедившись, что мы договорились, вмешался то-сан.

— Минато! — прошипела ка-чан.

— Не стоит, ка-чан, мне скрывать нечего, — поторопилась я встрять, ибо не хочется из-за их спора вновь остаться у разбитого стола, а учитывая некоторую слабость, увернуться от падающей еды мне не удастся. Ну и ходить грязной желанием у меня точно нет. — Я и правда была у него в палате, и, как уже говорила, без моей помощи он бы не очнулся. Не знаю, что за печать применял Хируко, но она очень сильно истончила связи души и тела, по сути, если бы не Рокуби, что не захотел отпускать своего джинчурики так просто, он был бы уже мертв. Вернее, не так: у нас бы на руках осталось живое тело без души, которое хочет-не хочет, но захватил бы Шестихвостый. Я этому помешала, а вот как — не скажу, все равно это для вас бесполезно: джинчурики среди вас нет. Впрочем, в том, что перед ней именно Утаката, Теруми-сан убедиться сможет самостоятельно и довольно скоро.

— А Кушина? — насмешливо приподнимает бровь оджи-сан.

— Псевдоджинчурики и настоящий джинчурики имеют достаточно различий, оджи-сан, причем тут дело даже не в силе, — буркнула я и сложила руки на груди, сообщив: — И вообще, я больше ни слова не скажу, пока мне самой не ответят на пару вопросов.

— Каких? — фыркнул в чашку чая то-сан.

— Где Саске? — мой вопрос заставил подавиться чаем не только то-сана, но и сидящего рядом со мной ни-сана.

— Он у себя в Клане, — уклончиво отозвался оджи-сан, смотря, как я от всей души хлопаю Аоя по спине.

— И что? — отступить я намерена не была, хотелось наконец увидеть его и убедиться, что с ним все в порядке. Нет, я верила Кураме, что сообщил о его проблемах со зрением, но, учитывая его пламенную любовь к Учиха, он мог сильно приуменьшить масштаб проблемы.

— Он ослеп, — будничным тоном сообщила ба-чан и, заметив на себе злые взгляды, довольно спокойно добавила: — От того, что мы не скажем ей об этом сейчас, проблема не исчезнет.

— Так-то это так, но... — немного растерянно возмутилась ка-чан.

— Не стоит, ка-чан, я что-то такое и предполагала, — поджигаю губы, останавливая возмущенную речь своей матери. — Мангекю слишком сильно нагружает глаза, а на арене ему сильно досталось, да и подавление биджу — дело непростое.

— Если знала, зачем спрашивала? — возмутился Аой-ни.

— Я хочу с ним встретиться, — игнорирую возмущение ни-сана и просто пристально смотрю на то-сана, а после перевожу недовольный взгляд на оджи-сана. — Надеюсь, это можно будет устроить?

— Хорошо, я сегодня же переговорю с Фугаку, — соглашается то-сан после короткого обмена взглядами с оджи-саном. — Но вряд ли получится раньше завтрашнего дня.

— Хорошо, — соглашаюсь, хотя и недовольна ответом. — Завтра, так завтра, а мне стоит немного отдохнуть.

— Конечно! — тут же реагирует ка-чан, а как замечает, что я начинаю зевать, прикрыв рот ладонью, так вообще развивает бурную деятельность. — Ни-сан, мы воспользуемся гостевой комнатой, — не дожидаясь ответа, поворачивается к Аою и приказывает: — Бери Наруто, и за мной!

— Как скажешь, ка-чан, — обреченным тоном соглашается ни-сан, а я уже без сопротивления позволяю поднять меня на руки и куда-то понести. Разговор меня утомил, а сытная еда расслабила, мне захотелось спать, да и с биджу стоит поговорить, но немного позже, а сейчас спать.

Продолжение следует...

Примечания:

* - Шируко или ошируко с почтительным префиксом — традиционное блюдо японской кухни. Представляет собой сладкую кашу из варёных толчёных бобов адзуки, в которую добавляют моти. Имеется несколько разновидностей шируко, например, с каштанами или пирожками из рисовой клейковины.

** - Якитори — жареная курица. Для якитори используются любые части курицы: белое мясо, красное мясо, желудки, кожица. Курица разделяется на небольшие куски, маринуется в специальном соусе и готовится на гриле.